

АЛИСА
ШИШКИНА,
ЕГОР
ФАЙН

«Похищенные революции»: феномен куволюций в Африке южнее Сахары*

Начиная с постколониальных и посткоммунистических исследований и заканчивая последними работами, посвященными «арабской весне», современная политическая наука так или иначе затрагивала процессы политической трансформации во всем их разнообразии. Политологи, однако, по-прежнему далеки от консенсусных оценок этого явления, в то время как новые варианты замены одних режимов другими, а также оригинальные формы самих этих режимов продолжают появляться беспрестанно. Иными словами, научное знание явно отстает от практического опыта.

«Арабская весна» начала 2010-х явила целую волну массовых протестов, революций и переворотов, которая в короткие сроки затронула десятки государств. Несмотря на то, что лишь в некоторых из них потрясения завершились сменой режима, она навсегда изменила политический ландшафт Ближнего Востока и соседних регионов¹, а инспирированные ею движения, в том числе и «Occupy Wall Street», сохраняли свою значимость еще

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РФФ № 21-18-00123.

1 КОРОТАЕВ А., ИССАЕВ Л., МАЛКОВ С., ШИШКИНА А. *The Arab Spring: A Quantitative Analysis* // Arab Studies Quarterly. 2014. Vol. 36. № 2. P. 149–169.

АФРИКАНСКИЕ РУИНЫ БУДУЩЕГО

долго. Однако, несмотря на то, что «арабская весна», ее причины и следствия по-прежнему изучаются широко и активно, далеко не все ее аспекты удостоились должного внимания ученых.

В частности, сказанное верно в отношении египетской революции. Как известно, в начале февраля 2011 года протесты в Каире «вышли из берегов»: они стали чрезвычайно многочисленными и практически бесконтрольными². Тем не менее решающее слово оказалось отнюдь не за протестующими, а за верхушкой вооруженных сил, которая 10–11 февраля оказала мощное давление на президента Хосни Мубарака, фактически отказавшись защищать его режим. Вслед за этим последовала отставка главы государства. Несмотря на то, что в политической истории эти события трактуются как «египетская революция», в традиционном понимании этого слова каирские события революцией не были. Если не считать начавшегося в 2012 году недолгого президентства представителя «Братьев-мусульман» Мохаммеда Мурси, которое через несколько месяцев также закончилось переворотом, оппозиционные силы в Египте так и не успели вкусить власти. Настоящим же бенефициаром событий осталась египетская армия, которая под руководством нынешнего президента Абделя Фаттаха ас-Сиси сохранила былой *status quo*, ограничившись косметическим ремонтом старого режима.

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕВОЛЮЦИИ

Настоящая статья посвящена феномену своеобразного «похищения» революций армиями. Первейшим эмпирическим примером для нас выступает египетская революция, в ходе которой точку в народном возмущении поставило вмешательство вооруженных сил. Внешне дело выглядело так, будто военные доделали за протестующих их работу. Эта весьма редкая до той поры ситуация – которая даже породила новый термин, о чем говорится ниже, – в последнее десятилетие не раз была воспроизведена в Сахеле и Западной Африке, соседствующих с Египтом. Наряду с двумя египетскими переворотами 2011-го и 2013 годов в указанном контексте можно упомянуть события в Нигере (2010), в Буркина-Фасо (2014) и в Судане (2019). Разумеется, здесь перечислены отнюдь не все военные перевороты, происходившие на фоне протестов – и тем более далеко не все попытки произвести переворот. Кроме того, уместно подчеркнуть, что в течение последнего десятилетия мы почти не наблюдаем

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Алиса Романовна Шишкина (р. 1989) – политолог, ведущий научный сотрудник научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Егор Денисович Файн (р. 1998) – политолог, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

2 SNIDER E., FARIS D. *The Arab Spring: US Democracy Promotion in Egypt* // Middle East Policy. 2011. Vol. 18. № 3. P. 49–62; OGBONNAYA U. *Arab Spring in Tunisia, Egypt and Libya: A Comparative Analysis of Causes and Determinants* // Alternatives: Turkish Journal of International Relations. 2013. Vol. 12. № 3. P. 4–16.

военных переворотов, которые происходили бы за пределами упомянутого региона. Собственно, эта диспропорция и послужила отправной точкой для нашего исследования.

Для описания специфических военных переворотов, подобных египетскому, был предложен новый термин «куволюция», впервые употребленный в 2011 году. Его создатель – эксперт в сфере международной безопасности Натан Торонто – одним из первых обратил внимание на особую роль, сыгранную военными в египетских протестах. Это позволило ему объединить в одном термине переворот (*coup*) и революцию (*revolution*), маркировав им особую революционную ситуацию: первым этапом в ней выступает революционная мобилизация гражданского населения, а вторым этапом оказывается военный переворот, инициаторы которого отчасти, но не до конца, удовлетворяют требования протестующих³. Именно в таком контексте понятие «куволюции» будет использоваться в нашей статье.

Революциям и военным переворотам посвящено немало научных работ. Так, Теда Скочпол и Джефф Гудвин, стремясь выявить политические факторы революций, делают следующий вывод: хотя наличие относительной бедности, профессиональных революционеров и многочисленного крестьянства играют важную роль, главным фактором оформления активной революционной коалиции все-таки выступает существование такой неопатримониальной диктатуры, которая отличается низким уровнем бюрократизации, массовой дискриминацией различных слоев населения и широким использованием репрессий. В подобных режимах контроль над коррумпированным чиновничеством и столь же коррумпированной армией относительно слаб, а это создает предпосылки для появления как низовой, так и верхушечной оппозиции⁴. Джек Голдстоун, также изучающий факторы, провоцирующие революции, обращает особое внимание на городские восстания, которые зачастую вызываются дороговизной продуктов и отсутствием работы (каирское восстание – типичный пример в этом отношении). Кроме того, по его наблюдениям, бунты в столицах никогда не обеспечивают победу революции: для успеха необходимы совпадающие по времени городские и сельские восстания⁵. Здесь уместно напомнить, что во время «арабской весны» восстания разгорались в основном в столичных центрах, а египетское восстание

3 См.: TORONTO N.W. *Egypt's "Coup-volution"* // Middle East Insights. 2011. February 16 (<http://blog.nus.edu.sg/middleeastinstitute/?p=621>).

4 SKOCPOL T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; GOODWIN J., SKOCPOL T. *Explaining Revolutions in the Contemporary Third World* // Politics & Society. 1989. Vol. 17. № 4. P. 489–509.

5 GOLDSTONE J.A. *The Comparative and Historical Study of Revolutions* // Annual Review of Sociology. 1982. Vol. 8. № 1. P. 187–207; IDEM. *Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies* // Foreign Affairs. 2011. Vol. 90. № 3. P. 8–16.

и вовсе ограничилось одной площадью в центре города. Возможно, именно такая «точечная» концентрация революционной активности позволяет вооруженным силам быстро перехватывать инициативу и брать власть.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Во время «арабской весны» восстания разгорались в основном в столичных центрах, а египетское восстание и вовсе ограничилось одной площадью в центре города. Возможно, именно такая «точечная» концентрация революционной активности позволяет вооруженным силам быстро перехватывать инициативу и брать власть.

Что касается военных переворотов в их классическом понимании – то есть не сопровождаемых уличными протестами и революционной мобилизацией, – то ключевой площадкой для их исследования всегда оставалась Латинская Америка. Специалисты выделяют набор факторов, которые приводят к военным переворотам: среди них, в частности, состояние экономики, размер армии, уровень бедности, электоральные циклы и близость выборов⁶. Некоторые авторы обращают внимание на то, что перевороты чаще случаются в странах, которые политически нестабильны и экономически слабы, а также имеют малочисленное население и низкие темпы демографического прироста⁷. В свете нашего исследования особый интерес может представлять так называемый «эндшпильный» военный переворот: по смысловому наполнению этот термин близок к куволуции. У двух концептов, правда, есть серьезное отличие: фактически «эндшпильный» военный переворот обозначает лишь второй этап куволуции – смену власти вооруженным путем *после* массового восстания или коллективного протеста. Ученые, анализирующие перспективы демократизации после «эндшпильных» военных переворотов, заключают, что они, как правило, не ведут к демократизации и либерализации, а являются способом сохранить *status quo*⁸.

- 6 FOSSUM E. *Factors Influencing the Occurrence of Military Coups d'État in Latin America* // Journal of Peace Research. 1967. Vol. 4. № 3. P. 228–251; WELLS A. *The Coup d'État in Theory and Practice: Independent Black Africa in the 1960s* // American Journal of Sociology. 1974. Vol. 79. № 4. P. 871–887.
- 7 GASSEBNER M., GUTMANN J., VOIGT S. *When to Expect a Coup d'État? An Extreme Bounds Analysis of Coup Determinants* // Public Choice. 2016. Vol. 169. № 3. P. 293–313.
- 8 KOENIGER K., HOGER A. *Revolutions and the Military: Endgame Coups, Instability, and Prospects for Democracy* // Armed Forces & Society. 2021. Vol. 47. № 1. P. 148–176; CASPER B., TYSON S. *Popular Protest and Elite Coordination in a Coup d'État* // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. № 2. P. 548–564.

ИССЛЕДОВАНИЯ КУВОЛЮЩИЙ

Говоря о куволуции как о новом термине, важно иметь в виду, что обозначаемое им событие новизной не отличается. Военные перевороты такого типа, который интересует нас, происходят уже несколько десятилетий: в этой связи можно вспомнить, например, перевороты в Турции в 1971-м и 1980-м или в Мали в 1991-м. Таким образом, нельзя сказать, будто куволуции – совершенно новый феномен. Однако если взглянуть на их изучение, то нетрудно заметить, что занимающиеся этим авторы не разграничивают между собой «классический» и «куволуционный» переворот. В своей статье мы намереваемся исправить этот недосмотр, опираясь на набор кейсов из политической истории Африки.

Как уже говорилось, концепт куволуций остается практически не разработанным. Тем не менее после 2011 года он периодически появлялся в научной литературе. В частности, его активно продвигал Роберт Спрингборг, занимавшийся египетскими событиями. По его мнению, военный переворот, происходящий под занавес революции, всегда подразумевает прежде всего предупредительное действие, предпринимаемое с целью не допустить дальнейшей дестабилизации; при этом, однако, главная отличительная особенность подобного события состоит в том, что армия действует, по сути, от лица протестующих и выполняет их требования – осуществляя, таким образом, нечто среднее между переворотом и революцией. Спрингборг полагает, что факт куволуции свидетельствует о специфическом положении армии в регионе, где она «управляет, но не правит» («*ruling but not governing*»). В более поздних своих изысканиях этот специалист обращал особое внимание на то, что куволуция, поставив точку в правлении Мубарака, далеко не полностью уничтожила его режим: прежняя система продолжает существовать, но под управлением другого президента и с другим правительством⁹.

В последние годы термин упоминался и в латиноамериканском контексте, несмотря на то, что за минувшие полтора десятка лет в Южной Америке не произошло ни одного классического военного переворота (эквадорскую попытку 2010 года мы в расчет не берем, поскольку она провалилась). Тем не менее исследователей удивил политический кризис 2019 года в Боливии, который начался с массовых уличных выступлений, а закончился отказом армии разгонять протестующих. Поскольку в завершение этой истории военные заставили президента Ево

9 SPRINGBORG R. *Learning from Failure: Egypt* // MATEI F.C., HALLADAY C., BRUNEAU T. (Eds.). *The Routledge Handbook of Civil-Military Relations*. Abingdon: Routledge, 2012. P. 113–129; ИДЕМ. *Caudillismo along the Nile* // *The International Spectator*. 2016. Vol. 51. № 1. P. 74–85.

Моралеса покинуть свой пост, некоторые авторы назвали произошедшее куволуцией. В данном случае подобная концептуализация оказалась оправданной: ведь вооруженные силы выступили от лица протестующих и, более того, претворили в жизнь одно из их главных требований.

Итак, примеры куволуции уже зафиксированы, причем неоднократно, но, несмотря на это, о механизмах ее вызревания почти ничего неизвестно. Вероятно, одной из причин такого пробела выступает то, что ученые, пользующиеся интересующим нас термином, исследуют в основном взаимоотношения армии и общества. Это заставляет их концентрироваться на описании и последствиях произошедших катаклизмов, оставляя в стороне их предпосылки. Выходя за рамки такой парадигмы, мы в этой статье сфокусируемся на нескольких ключевых для понимания куволуции кейсах последнего десятилетия, а именно – на случаях Буркина-Фасо, Мали и Нигера. Разумеется, мы осознаем, что история, политика и культура каждой из этих стран самобытны, а происходившие в них потрясения отнюдь не копировали друг друга. Тем не менее базовой предпосылкой анализа выступает то, что в каждом из упомянутых кейсов явно присутствовал описанный выше паттерн куволуции – трансформации, которая, одновременно напоминая и народную революцию, и военный путч, в полной мере не была ни тем и ни другим.

АЛИСА ШИШКИНА,

ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

БУРКИНА-ФАСО

Катаклизмы, происходившие в 2014 году в Буркина-Фасо, можно считать одним из наиболее ярких примеров куволуции. Масштабная дестабилизация в Африке началась почти одновременно с событиями в Тунисе, Египте и Ливии. Первые протесты в Уагадугу вспыхнули в феврале 2011 года; это было студенческое возмущение, спровоцированное гибелью молодого человека Жюстэна Зонго, замученного полицейскими в городе Кудугу в 75 километрах от столицы. Мало того, что повод для беспорядков напоминал о тунисских событиях – в дальнейшем протестующие напрямую апеллировали к революциям в арабских странах, призывая начать «буркинийскую весну»¹⁰. Главным мотивом протестующих стало недовольство слишком долгим правлением президента Блэза Компаоре, находившегося у власти с 1987 года¹¹. В 2011-м, однако, здешний протест

10 См.: SNOULT L. *Popular Protests in Burkina Faso* // Pambazuka News. 2011. July 21 (www.pambazuka.org/governance/popular-protests-burkina-faso).

11 Подробное описание этих и последующих событий см. в статье: ПАНОВ А.А. «Блэз Компаоре – мертв, Тома Санкара – жив!»: образы, нарративы и дискурсы народного восстания в Буркина-Фасо (2014–2015 гг.) // Новое прошлое. 2016. № 4. С. 111–138.

так и не достиг кульминации, и поэтому подлинное повторение египетской кувюлюции в Буркина-Фасо состоялось лишь в 2014 году. Основными факторами народного негодования, как и в предыдущий раз, послужили несменяемость диктатора, корруппированность властей, низкий уровень жизни.

Сигналом к протестам выступил призыв одного из лидеров оппозиции развернуть в стране «черную весну» по образцу «арабской весны». Особенностью волны 2014 года стало то, что ею были затронуты не только рядовые граждане, но и политические элиты, ранее ориентировавшиеся на президента. Яблоком раздора послужила инициатива Компаоре добиться очередного переизбрания в 2015 году, изменив для этого Конституцию; она расколола правящую партию «Конгресс за демократию и прогресс», заставив часть ее лидеров примкнуть к противникам режима. Усилившаяся оппозиция учредила координационный комитет, который призвал население к массовым протестам. Первые акции начались весной 2014 года и продлились до осени, собирая десятки тысяч граждан в разных городах страны. Однако по-настоящему революционная ситуация начала складываться лишь с 21 октября, когда в Национальное собрание был направлен президентский законопроект о конституционных поправках.

В тот день молодежь начала блокировать дороги по всему Уагадугу, а уже через два дня демонстранты перекрыли главную автомагистраль страны. 28 октября был объявлен оппозиционерами днем гражданского неповиновения – тогда на улицы столицы под лозунгом отставки главы государства вышли более миллиона человек¹². Одновременно манифестации, протекающие в стычки с силовиками, проходили во всех крупных городах. Столкнувшись с беспрецедентной волной народного возмущения, власти объявили об отзыве своей конституционной инициативы, однако этот шаг уже не смог восстановить спокойствие – манифестации продолжались. 30 октября толпы протестующих ворвались в здания парламента и телецентра. В тот же день генерал Оноре Траоре, начальник генерального штаба вооруженных сил Буркина-Фасо, заявил о роспуске парламента, отставке правительства и введении чрезвычайного положения. По словам военных, 12-месячный переходный период должен был позволить им организовать демократические выборы и сформировать новые органы власти¹³. Наконец, утром 31 октября протестующие, которые, как и в предыдущие дни, собрались в центре столицы и других крупных городов,

12 *Burkina Faso: manifestation massive contre le régime de Blaise Compaoré* // Le Monde. 2014. 28 octobre (www.lemonde.fr/afrique/article/2014/10/28/burkina-faso-manifestation-massive-contre-le-maintien-au-pouvoir-du-president_4513770_3212.html).

13 Подробнее см.: HARSCH E. *Burkina Faso: A History of Power, Protest, and Revolution*. London: Zed Books, 2017.

также предложили армии принять власть на себя. В тот же день глава государства ушел в отставку и был вывезен президентской гвардией в Кот-д'Ивуар.

Пожалуй, главное сходство между двумя вёснами, «арабской» и «буркинийской», состоит в значительности той роли, какую в этих событиях сыграли силовики. В указанном плане события в Буркина-Фасо можно считать самой настоящей куволуцией, где революционная ситуация завершилась выступлением армии. Предпосылки для него закладывались еще в марте и апреле 2011 года, когда в стране проходили волнения, в которых участвовали сотрудники силовых структур – полиции, армии, президентской гвардии¹⁴. Эти всплески возмущения довольно быстро удалось подавить, но реакцией на них стала смена прежнего главы генштаба, на место которого пришел упоминавшийся выше полковник Траоре. Той же весной президент Компаоре возложил на себя обязанности министра обороны, чем на время обеспечил подконтрольность элитной президентской гвардии. Именно благодаря ее формированиям, состоящим из 1300 отборных военнослужащих, президент смог пережить потрясения «буркинийской весны». Но к 2014 году ситуация сильно изменилась: значительный сегмент президентской гвардии отказал президенту в поддержке. Таким образом, выраженной особенностью революции в Буркина-Фасо стало то, что власть после переворота не перешла к лидерам, возглавлявшим уличный протест: временно исполняющим обязанности президента оказался бывший офицер президентской гвардии. Именно военные в конечном счете стали наследниками прежнего авторитарного режима; позже их доминирование в политической системе упрочили премьер-министр Исаак Зиде и президент Мишель Кафандо. В 2015 году режиму опять предстояло смениться, но события предыдущего года вошли в историю как репликация «арабской весны» в Африке и, по мнению некоторых ученых, как пример типичной куволуции, где вторая фаза революционного процесса завершилась военным переворотом.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

МАЛИ

Малийскую революцию 2020–2021 годов тоже можно считать показательной иллюстрацией куволуции. В контексте малийской истории эти события на первый взгляд связаны с предшествующей волной потрясений, пришедшей на 1990–1991 годы: сходство проявляется, во-первых, в уровнях общественной мобилизации, а во-вторых, в том, какие этапы проходил воен-

¹⁴ См., например: *Мятеж военных в Буркина-Фасо охватил уже четыре города, к солдатам присоединились жандармы* // Газета.ру. 2011. 18 апреля (www.gazeta.ru/news/lenta/2011/04/18/n_1799689.shtml).

ный переворот. Тем не менее в плане политических смыслов и целей два упомянутых раунда дестабилизации заметно отличались друг от друга. Если в 1990–1991 годах протесты разворачивались под лозунгами демократии, многопартийности и свободы, то через три десятилетия лейтмотивами протестов стали требования порядка и справедливости, не сопровождавшиеся упоминаниями о демократии. Стоит также отметить, что малийские события 2020–2021 годов в ключевых аспектах напоминают египетский переворот 2013 года, который структурно подразделяется на революцию 30 июня и путч 3 июля: если на первом этапе каирских потрясений массы требовали демократии, то на втором этапе они были готовы довольствоваться порядком.

Революционные события в Мали развивались следующим образом. 29 марта 2020 года в стране состоялись парламентские выборы, которые были поистине долгожданными: первоначально их планировали на ноябрь 2018-го, а потом трижды переносили: на апрель 2019-го, июнь 2019-го и, наконец, март 2020-го. Сам по себе перенос даты выборов вызвал недовольство оппозиционных групп, и это уже не предвещало ничего хорошего. После второго тура Конституционный суд Мали частично отменил обнародованные 30 апреля результаты: в итоге более тридцати кандидатов от оппозиции лишились ранее обещанных им мандатов. Из-за этих манипуляций партия «Объединение за Мали», которую возглавлял президент Ибрагим Кейта, получила десять дополнительных мест в Национальной ассамблее, что позволило ей стать крупнейшей парламентской силой. Электоральная процедура сопровождалась и другими нарушениями¹⁵. В частности, среди факторов, способствовавших общественному раздражению и вызреванию революционной ситуации 2020 года, стоит отметить пандемию COVID-19 и обусловленное ею ухудшение экономической обстановки¹⁶.

Уже в мае 2020 года, сразу после избрания парламента, в Бамако и других крупных городах начались мирные демонстрации, на которых протестующие требовали отставки президента. В начале июня правительство попыталось запретить проведение массовых мероприятий, но, несмотря на это, оппозиционная акция 5 июня собрала десятки тысяч людей по всей стране. Недовольство политикой главы государства распространилось на армейские, чиновничьи и религиозные круги¹⁷.

15 *Elections Continue in Mali Despite Virus, Violence Fears* // Voice of America. 2020. April 19 (www.voanews.com/a/africa_elections-continue-mali-despite-virus-violence-fears/6187825.html).

16 См.: GOLUBSKI C., SCHAEFFER A. *Africa in the News: Impacts of COVID-19 on African Economies and Elections Updates* // The Brookings Institution. 2020. April 4 (www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2020/04/04/africa-in-the-news-impacts-of-covid-19-on-african-economies-and-elections-updates/).

17 *Who Is behind Mali's Surging Protest Movement?* // Voice of America. 2020. July 17 (www.voanews.com/a/africa_who-behind-malis-surging-protest-movement/6193002.html).

Довольно скоро многочисленные оппозиционные группировки сумели консолидироваться, учредив «Движение 5 июня – Объединение патриотических сил», неформальным лидером которого стал влиятельный религиозный деятель, «народный имам» Махмуд Дико¹⁸. Среди прочего объединенная оппозиция критиковала неэффективность государственного аппарата и его неспособность проводить реформы, а также присутствие в стране французских войск. После первой, июньской, демонстрации президент Кейта попытался сделать своим противникам ряд уступок, включая создание правительства национального согласия. Протестующие, однако, отвергли его предложения¹⁹.

Вскоре протесты стали насильственными. 9 июля, стремясь снизить градус напряженности накануне очередной пятничной демонстрации, президент заявил о роспуске Конституционного суда, который оказался в центре скандалов, связанных с фальсификацией итогов весенних выборов. Средство, однако, не сработало: 10–12 июля впервые за все время протестов столкновения манифестантов с полицией оказались кровавыми – 11 человек погибли и более 120 получили ранения. В те дни демонстранты захватили и подожгли здание Национального собрания Мали²⁰; ими были заняты несколько правительственных зданий, перекрыты три столичных моста, а на нескольких главных дорогах Бамако они начали поджигать автомобильные покрышки. Сразу после беспорядков несколько лидеров прошедших демонстраций, включая бывших министров, были арестованы. В том же месяце насилие в Мали подверглось осуждению со стороны Африканского союза, а также Организации Объединенных Наций и Европейского союза. В протестах последовал месячный перерыв, после чего демонстрации возобновились с удвоенной силой. Взаимное ожесточение нарастало, и 17 августа лидеры оппозиции объявили, что ежедневные акции протеста будут продолжаться до президентской отставки²¹.

На следующий день президент Ибрагим Кейта и премьер-министр Бубу Сиссе были арестованы восставшими солдатами, которых возглавил полковник спецназа Ассими Гойта. Еще через

АЛИСА ШИШКИНА,

ЕГОР ФАЙН

«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

18 DÍAZ O.T. *Islamic Fundamentalism Framing Politics in Mali: From the Middle Ages to the Age of Pandemic* // KÄSEHAGE N. (Eds.). *Religious Fundamentalism in the Age of Pandemic*. Bielefeld: transcript Verlag, 2021. P. 149–178.

19 DIALLO T. *Thousands of Protesters Demand Mali President Step Down* // Reuters. 2020. June 19 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-protests-idUSKBN23Q334).

20 *Tens of Thousands Protest in Mali amid Growing Opposition to Keita Presidency* // The New York Times. 2020. June 19 (www.nytimes.com/2020/06/19/world/africa/mali-protests-keita.html); DIALLO T., KONTAO F. *Mali Police Fire Gunshots and Tear Gas to Disperse Protesters* // Reuters. 2020. July 10 (www.reuters.com/article/us-mali-politics-idUSKBN24B2M9).

21 *Au Mali, l'opposition annonce de nouvelles manifestations contre le président Keita* // Le Monde. 2020. 18 août (www.lemonde.fr/afrique/article/2020/08/18/au-mali-l-opposition-annonce-de-nouvelles-manifestations-contre-le-president-keita_6049211_3212.html).

день лишившийся свободы Кейта объявил о роспуске парламента и о своей отставке, заявив, что не хочет удерживать власть ценой кровопролития. Путчисты, составившие «Национальный комитет спасения народа», сделали заявление для телевидения, в котором оправдывали смещение президента и премьер-министра многолетним дурным правлением, коррупцией, nepотизмом и ухудшением безопасности государства. Если значительная часть молодых граждан Мали встретила приход военных с надеждой, то многие представители среднего класса и интеллигенции не поддержали методы, которые новые лидеры применили для захвата власти. Ликование на улицах Бамако не помешало предсказуемому осуждению государственного переворота влиятельными внешними акторами. Африканский союз и Европейский союз заявили о своем неприятии действий путчистов и потребовали освободить свергнутого президента, Экономическое сообщество стран Западной Африки лишило малийскую делегацию представительства, а Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждающую переворот.

25 сентября 2020 года комитет из путчистов, в который вошел и Ассими Гойта, назначил временным президентом страны бывшего министра обороны Ба Н'Дау. Это решение в основном было поддержано населением, а также оппозицией в лице «Движения 5 июня». В речи, произнесенной при вступлении в должность, Н'Дау пообещал бороться с коррупцией, не допускать фальсификации выборов и соблюдать международные соглашения. 5 декабря 2020 года новые власти учредили «Национальный переходный совет», призванный координировать ход преобразований; в него были приглашены и представители гражданского общества. Однако, если первоначально Н'Дау был послушным ставленником Ассими Гойты и министра обороны Садио Камары, то в первые месяцы 2021 года он начал противостоять как своим патронам, так и переходным органам власти. Конфликт завершился тем, что в мае того же года Ба Н'Дау и его премьер-министр Моктар Уан были взяты под стражу и отправлены на военную базу под Бамако, где объявили о своей отставке. Таким образом, за год в Мали произошли сразу два военных переворота, подготовленных одной и той же группой офицеров, что опять-таки позволяет вспомнить о египетских событиях 2011–2013 годов.

В целом малийский кейс воспроизводит ту же формулу, что и буркинийская куволуция: протестная мобилизация и революционный накал стремительно «разгоняются», происходит прямая и насильственная конфронтация оппозиционных движений с властью, а потом армия встает на сторону протестующих. Однако военные недолго остаются в лагере оппозиционных сил: и в Египте в 2013 году, и в Мали в 2021-м последующие действия

военных оказывались, по сути, реакционными и охранительными, хотя изначально именно армия обеспечивала смену режима. Интересно, что и в Буркина-Фасо в 2015 году президентская гвардия также предпринимала попытку военного переворота, похожего на прошлый египетский и будущий малийский.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

Малийский кейс воспроизводит ту же формулу, что и буркинийская куволуция: протестная мобилизация и революционный накал стремительно «разгоняются», происходит прямая и насильственная конфронтация оппозиционных движений с властью, а потом армия встает на сторону протестующих. Однако военные недолго остаются в лагере оппозиционных сил.

НИГЕР

Республика Нигер представляет еще один любопытный пример совмещения революции и военного переворота. Пожалуй, главная и самобытная особенность этого кейса в том, что он разворачивался еще до «арабской весны». В 2009–2010 годах эта страна погрузилась в конституционный кризис, который по своим причинам и особенностям весьма напоминал будущий буркинийский кейс. Его центральным персонажем оказался президент Мамаду Танджа, демократично избранный на свой первый срок в 1999 году. Надо сказать, что его второе избрание, состоявшееся в 2004-м, проходило уже более сложно и сопровождалось уличными протестами. Придя к власти, Танджа развернул широкую борьбу с бедностью и экономической отсталостью, активно взаимодействуя с различными международными структурами. В принципе, в годы его правления Нигер радовал международные организации, особенно в плане развития демократических институтов: в частности, глава государства санкционировал децентрализацию власти и начал проводить регулярные муниципальные выборы²². Подвело же его, как нередко бывает у венценосцев, стремление увековечить собственную власть. Зимой 2009-го, в день выборов в однопалатное Национальное собрание Нигера и за шесть месяцев до того, как он сам, согласно Конституции Нигера, должен был сложить полномочия, Танджа распустил парламент, объявив единственным источником нормотворчества президент-

22 MUELLER L. *Democratic Revolutionaries or Pocketbook Protesters? The Roots of the 2009–2010 Uprisings in Niger* // *African Affairs*. 2013. Vol. 112. № 448. P. 398–420.

ские декреты. 4 августа 2009 года власти провели наспех подготовленный референдум, результатом которого стал переход от полупрезидентской Пятой республики к полностью президентской Шестой республике²³. При этом по результатам народного волеизъявления учреждался трехлетний переходный период, который гарантировал действующему президенту еще три года власти, необходимые для подготовки новой Конституции страны. Несмотря на то, что оппозиция подвергла референдум бойкоту, властям удалось обеспечить поддержку своих инициатив большинством населения. Проведение этой акции было встречено международными акторами крайне негативно.

Предпосылки для последующего взрыва недовольства были довольно стандартными для этого региона. Нигер, большая часть которого занята пустыней, считается одним из беднейших государств Африки. Значительная часть населения страны традиционно живет на грани голода; президент Танджа за время его правления не раз критиковался за неспособность справиться с этим вопросом, причем в ответ он, как правило, отрицал само наличие в Нигере голодающих. Отчасти и по этой причине антиправительственные настроения распространились очень быстро²⁴. После голосования протесты, спорадически вспыхивавшие еще накануне референдума в мае и июне, сделались массовыми. Их поддержала 48-часовая забастовка, объявленная на промышленных предприятиях. 18 февраля 2010 года, после нескольких хаотических месяцев, военные под руководством генерал-лейтенанта Салу Джибо организовали военный переворот, в ходе которого президент Танджа был арестован, а его правительство распущено²⁵. Через два дня главная оппозиционная организация – «Координация демократических сил республики» – провела массовый митинг в поддержку армии, в котором участвовали десять тысяч человек. Между тем Джибо возглавил хунту, назвавшую себя «Высшим советом по восстановлению демократии»; спустя девять месяцев она подготовила и провела демократические выборы. Надо сказать, что международные организации поддержали приход нового правительства, рассчитывая на последующую демократизацию.

Таким образом, в случае Нигера мы имеем дело с воспроизведением уже знакомого цикла: инкубент, сроки правления которого истекают, предпринимает меры, направленные на сохранение власти любой ценой, которые в свою очередь приводят к протестной мобилизации и последующему под-

23 GRAHAM IV F.C. *What the Nigerien Coup d'État Means to the World* // Review of African Political Economy. 2010. Vol. 37. № 126. P. 527–532.

24 MOREIRA E., BAYRAKTAR N. *Foreign Aid, Growth and Poverty: A Policy Framework for Niger* // Journal of Policy Modeling. 2008. Vol. 30. № 3. P. 523–539.

25 Подробнее см.: BAUDAIS V., CHAUZAL G. *The 2010 Coup d'État in Niger: A Praetorian Regulation of Politics?* // African Affairs. 2011. Vol. 110. № 439. P. 295–304.

ключению армии. Разумеется, этот кейс отличается от рассмотренных выше тем, что взрывного роста протестов здесь не наблюдалось, а участие в них было относительно небольшим; однако стоит учесть, что протесты против правления Танджи регулярно возобновлялись и затухали с середины 2000-х.

АЛИСА ШИШКИНА,
ЕГОР ФАЙН
«ПОХИЩЕННЫЕ
РЕВОЛЮЦИИ»...

В случае Нигера мы имеем дело с воспроизведением уже знакомого цикла: инкубент, сроки правления которого истекают, предпринимает меры, направленные на сохранение власти любой ценой, которые в свою очередь приводят к протестной мобилизации и последующему подключению армии.

* * *

Анализируя описанные выше протесты, революции и перевороты, сложно не обратить внимания на то, как много параллелей между ними. В Буркина-Фасо, Мали и Нигере к настоящему времени властвуют авторитарные режимы, которые утвердились в результате военных путчей, увенчавших предшествующие протестные волны. В каждом из рассмотренных случаев детонатором, вызывавшим взрыв, служило желание не слишком выдающихся лидеров сделать свое правление вечным – несмотря на свою очевидную неспособность решить ни одну из мучающих их страны хронических проблем. Повсюду накал возмущения нарастал по мере того, как сопротивление режима становилось все более агрессивным. Когда участники противостояния обращались к насилию, на сцену выходила армия, тем или иным способом заставлявшая автократа и его клику покинуть посты. У власти оказывалась военная хунта, которая первоначально поддерживала оппозицию. В конечном же счете, спустя непродолжительное время происходил еще один переворот, теперь нацеленный на прекращение демократизации и смещение переходного правительства. Армия «похищала» революцию, надолго присваивая власть себе. Представленные здесь кейсы обнаруживают важный тренд, пока не получивший теоретического описания. Между тем классические теории революции и переворота не могут в полной мере объяснить происходящего в Мали, Буркина-Фасо и Нигере. Введение в научный оборот понятия «куволюция» позволяет хотя бы отчасти восполнить этот пробел.